

Научная статья

УДК 343.9; 34.07

EDN LDABBQ

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).268-277

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Т.В. Филоненко*Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

12 марта 2024 г.

Дата принятия в печать

15 июля 2024 г.

Дата онлайн-размещения

29 июля 2024 г.

Ключевые слова

Пробация; реабилитация правонарушителей; рецидив; постпенитенциарная преступность; пробаторы; пробационеры; добровольные сотрудники службы пробации; штатные сотрудники службы пробации; Япония; Гонконг; Сингапур; Тайвань; Фиджи; Южная Корея; АТР

Аннотация. В работе проанализированы институты пробации и реабилитации правонарушителей, как они понимаются на сегодняшний день в доктрине некоторых стран АТР. Рассмотрено понятие пробации и реабилитации как моделей работы с правонарушителями. В правовых системах стран АТР распространен термин «реабилитация», которым обозначают идею ресоциализации преступников и предоставления им второго шанса, а также систему учреждений и мероприятий, созданных для воплощения в жизнь этой идеи. Пробация при таком подходе является частью реабилитации. Обычно она представляет собой альтернативный вид наказания для некоторых категорий лиц, не связанный с изоляцией от общества. В этом смысле пробация представляет собой систему надзора, под который помещаются несовершеннолетние правонарушители, условно осужденные лица, условно-досрочно-освобожденные из тюрем, а также те, кому назначен испытательный срок (пробационный надзор) в виде самостоятельного наказания. Категории преступников, подходящих под требования пробационного надзора, в разных странах будут разными.

Приводятся сведения о системах реабилитации и пробации в Японии, Гонконге, Сингапуре, Тайване, Южной Корее и на Фиджи. Особое внимание уделено японской системе пробации, так как, во-первых, ее опыт был заимствован другими странами, а, во-вторых, эксперты считают японскую схему организации пробационного надзора самой впечатляющей как по масштабу, так и по широте участия добровольцев.

Исследование опыта реабилитации правонарушителей в АТР интересно для российской науки как возможность использования элементов положительного опыта. Вслед за Японией некоторые страны АТР используют модели вовлечения бизнеса и общественности в деятельность по реабилитации преступников. Это весьма выгодно с материальной точки зрения. К тому же японский опыт эффективен в плане реальной ресоциализации бывших заключенных и снижения степени их индивидуального криминального риска. В заключение автор формулирует пределы возможных заимствований, связанные со спецификой азиатских культурных традиций и социального уклада.

Original article

SOME ASPECTS OF PROBATION INSTITUTION DEVELOPMENT IN RUSSIA AND ABROAD

Tatiana V. Filonenko*Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation*

Article info

Received

2024 March 12

Accepted

2024 July 15

Available online

2024 July 29

Abstract. The author examines how the institutions of probation and rehabilitation of offenders are currently understood in the doctrines of some Asia-Pacific (APAC) countries. The concepts of probation and rehabilitation are examined as models for working with offenders. The legal systems of APAC countries use the term «rehabilitation» to mean both an idea of re-socialization and giving offenders a second chance, and a system of institutions and measures aimed at the implementation of this idea. In this approach, probation is a part of rehabilitation. Usually, it acts as an alternative punishment without isolation from the society. In this sense, probation is a system of supervision over juvenile offenders, probationers, parolees released from prison, and those on probation (under probation supervision) as a separate type of punishment.

Keywords

Probation; offender rehabilitation; recidivism; post-penitentiary crime; probationers; volunteer probation officers; full-time probation officers; Japan; Hong Kong; Singapore; Taiwan; Fiji; South Korea; APAC

The categories of offenders eligible for probation supervision vary from country to country.

The article provides information on the systems of rehabilitation and probation in Japan, Hong Kong, Singapore, Taiwan, South Korea and Fiji. Special attention is paid to the Japanese system of probation because, firstly, its experience was used by other countries and, secondly, experts believe that the Japanese system of probation supervision is the most impressive one in terms of its scale and the breadth of volunteer participation.

The research of the experience of offenders' rehabilitation in APAC countries is interesting for Russian science as an opportunity for using some of its positive elements. Following Japan, certain APAC countries use the models for involving businesses and the community in rehabilitation work. It is rather profitable in material terms. Besides, the Japanese experience is effective from the standpoint of actual re-socialization of former convicts and reduction of their individual criminal risk. In conclusion, the author outlines the limits of possible borrowings due to the specifics of Asian cultural traditions and social norms.

Введение

Начало 2023 г. было ознаменовано важным событием для развития правовой системы России: после десятилетий обсуждений был принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ¹. Институт пробации известен за рубежом давно, и сама его распространенность уже свидетельствует об его эффективности. Пока неизвестно, насколько эффективен будет этот институт для России: закон вступил в силу с января 2024 г. (ряд положений вступает позже), и сделать какие-либо реальные выводы можно будет не раньше чем через год. Уже очевидно, что понадобится дополнительная нормативно-правовая база, а правоприменение столкнется с рядом проблем, о которых говорит экспертное сообщество (финансирование, распределение полномочий между субъектами пробации, неготовность уголовно-исполнительной инспекции как ведомства к большому объему новых функций, кадровая неуккомплектованность уголовно-исполнительной системы).

Но для оценок и выводов нужны какие-то критерии. По большей части и у практических работников, и у нормотворцев на сегодняшний день имеются достаточно размытые представления о пробации как социальном институте и ее возможностях. Стоит указать, что модель пробации, закрепленная в российском законе, является не единственной возможной и даже не самой распространенной. Поэтому необходимо более детально анализировать зарубежный опыт, тем более что к сегодняшним моделям пробации и

реабилитации правонарушителей многие страны шли десятилетиями проб и ошибок, чего может избежать российская правовая система, критически осмыслив зарубежные реформы XXI в.

Пенитенциарная практика и системы пост-пенитенциарной адаптации правонарушителей западноевропейских и североамериканских государств исследовались в отечественной науке достаточно активно. А вот данных по странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) гораздо меньше. Поэтому представляется интересным и практически полезным обратиться к опыту некоторых стран АТР, особенно тех, которые с начала XXI в. демонстрируют новый курс на реабилитационную политику в отношении осужденных.

Реабилитация правонарушителей и пробация: соотношение понятий

Уголовно-исполнительная политика многих стран АТР в последние десятилетия характеризовалась переходом от карательно-изоляционной направленности к реабилитационной, суть которой состоит в том, что осужденным нужно дать второй шанс и предоставить условия для возвращения в общество, вместо того чтобы изолировать их от него.

Например, еще в конце XX в. японским правительством была принята «Стратегия по предупреждению рецидивной преступности». Для ее реализации в 2014 г. принята правительственная декларация «Don't Let Them Go Back To Crimes», где целью борьбы с рецидивом была провозглашена не изоляция преступников от общества, а возвращение их к нормальной жизни общими усилиями государственных структур и общественности [1, с. 49].

Тюремная служба Сингапура (SPS — Singapore Prison Service) в 1999 г. была подвер-

¹ О пробации в Российской Федерации : Федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302060003>.

гнута идеологическому переосмыслению, что выразилось в провозглашении нового Образа (Видения) и Миссии SPS. В рамках нового Видения тюремная служба провозгласила себя «капитаном» в жизни правонарушителей, переданных под опеку тюремных учреждений [2]. SPS ставит целью сделать своих подопечных ответственными гражданами, для чего должна работать вместе с семьями правонарушителей и обществом в целом. Новая Миссия SPS предполагает защиту общества двумя путями: посредством содержания нарушителей под стражей и путем реабилитации правонарушителей, для чего тюремная служба будет участвовать в профилактике преступности и заботе (попечении) о бывших заключенных после их освобождения.

Цели тюремного заключения в Сингапуре обобщенно выражаются в аббревиатуре «P.R.I.De»: P — Punishment (наказание), R — Reformation (исправление, перевоспитание), I — Incapacitation (ограничение в правах), D — Deterrence (сдерживание) [2].

На основе сформулированных Образа и Миссии SPS в 2000 г. была впервые разработана Система реабилитации в рамках пенитенциарной службы Сингапура, основанная на двух ключевых моментах: укреплении семейных и/или социальных связей, что делает реинтеграцию бывшего преступника в общество максимально эффективной; понимание реабилитации как системы мероприятий, которая начинается с момента первого поступления правонарушителя в пенитенциарную систему и продолжается даже после его освобождения. Последнее подчеркивает важность программ последующего сопровождения и предоставления социальных услуг для бывших правонарушителей.

На Фиджи реализуется проект «Желтая лента» (YRP) — концепция, которая основана на идее необходимости прощения и предоставления бывшим преступникам второго шанса. Проект YRP стал переходом от философии «запирания на замок» в отношении преступников к формированию среды исправления и ресоциализации².

История проекта весьма показательна с точки зрения понимания идей реабилитации правонарушителей. Мотив желтой ленты был взят из песни о «Обвяжи желтую ленту вокруг старого дуба». В песне рассказывается исто-

рия заключенного, который спрашивал у своей жены, хотела ли бы она, чтобы он был частью ее жизни после его освобождения из тюрьмы. Он написал ей, что, если она все еще заинтересована в нем и готова простить, она может дать ему знать, повязав желтую ленту на дубе на городской площади. Когда он вернулся домой, то, к своему облегчению, увидел на дереве сотни желтых ленточек [3, р. 19].

Программа «Желтая лента» включает в себя обучение методам ведения сельского хозяйства и промышленным навыкам, курсы грамотности, беседы о духовном развитии, просвещение по вопросам злоупотребления алкоголем и наркотиками. Проект YRP рассматривался как решение социальных и экономических проблем страны, таких как безработица, бедность населения, низкий уровень грамотности [3, р. 20].

В Гонконге два основных ведомства уголовного правосудия — Департамент социального обеспечения (SWD) и Департамент исправительных учреждений (CSD) Правительства Специального административного района Гонконг — сделали в своей работе упор на использование реабилитационных программ, консультационных услуг и социальной работы [4]. Пробация в Гонконге была введена в начале XX в. и являлась «в основном импортом из-за границы в колониальные времена» [5]. Она выступает в качестве формального общественного наказания, не связанного с лишением свободы, и представляет собой систему надзора над правонарушителем, сопровождаемую комплексом обязанностей и ограничений (воздерживаться от употребления опасных наркотиков; сдавать анализ мочи; проходить любые программы лечения наркотической абстиненции по назначению; психологическое и психиатрическое лечение комендантский и др.) [4].

В рамках Министерства юстиции Японии существует Бюро реабилитации, которое является одним из шести департаментов Министерства. В ведении министерского Бюро реабилитации находятся 50 бюро пробации, 3 филиала и 29 местных отделений [6]. О содержании японской системы пробации поговорим ниже.

На Тайване в 1962 г. была создана независимая служба пробации и условно-досрочного освобождения несовершеннолетних, введенная новым Законом о правонарушениях несовершеннолетних и правосудии [7, р. 577]. В 1980 г. была создана Служба пробации и условно-досрочного освобождения взрослых. По Закону об

² Fiji Prisons & Correctional Service, About Yellow Ribbon, Proposed Model-Yellow Ribbon Project. URL: <http://www.corrections.org.fj/pages.cfm/yellow-ribbon/about-yellow-ribbon.html>.

исполнении мер безопасности «...функцию probation, в зависимости от контекста, выполняет полицейский орган, автономная организация, благотворительная организация, близкие родственники или члены семьи лица, находящегося в заключении, или другие соответствующие органы, лица, находящиеся в месте или за пределами места, где находится лицо, находящееся в заключении» [7, р. 578].

В современном Тайване служба probation для взрослых теперь находится в ведении Министерства юстиции. По всей стране насчитывается 22 отдела probation, работают 240 сотрудников службы probation, а также 500 штатных «аутсорсинговых» сотрудников для помощи им. Учитывая небольшое количество назначенных сотрудников службы probation, аутсорсинг услуг был и остается ключевым инструментом, лежащим в основе реабилитационных услуг. На такой основе привлекают штатных психологов, социальных работников, помощников, клерков и др.

Помимо этих сотрудников, сотрудники службы probation и условно-досрочно освобождения также тесно сотрудничают с некоммерческими организациями. Наиболее известны три неправительственные организации: Тайваньская ассоциация защиты после освобождения (Taiwan After-care Association, TAA), Ассоциация волонтеров службы probation (PVA) и Ассоциация поддержки потерпевших (AVS). Названные структуры, хотя и не являются частью государственного механизма, в значительной степени финансируются и контролируются Министерством юстиции. Они предоставляют жилье, профессиональное обучение, кредиты для малого бизнеса, медицинские, образовательные услуги и помощь в трудоустройстве.

Система probation в Республике Корея была введена в 1989 г., сначала для несовершеннолетних правонарушителей, а затем, в 1997 г., — и для взрослых. Probation в уголовном праве Южной Кореи — это период надзора за правонарушителем, назначаемый судом вместо отбывания срока в тюрьме. Институт probation раскрывается через понятие испытательного срока, который может означать как надзор за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы, так и условное наказание или отсрочку исполнения приговора³. Probation выполняет две основные функции: защита общества путем наблюдения за право-

нарушителем и помощь правонарушителю в ведении законопослушного образа жизни. Закон о probation⁴ включает в себя эти две функции и не игнорирует ни одну из них.

Количество дел о probation в Корею составляло 8 389 в 1989 г., резко возросло до 100 988 в 1997 г., а потом — до 212 940 в 2019 г., т.е. увеличилось более чем в 25 раз за 30 лет по сравнению с показателем в 1989 г. Численность сотрудников службы probation составляет 1592 чел. (на конец 2019 г.). В среднем за каждым сотрудником службы probation закреплено 112 чел., находящихся на испытательном сроке, однако нагрузка на пробаторов в городах выше [8].

Приведенные данные свидетельствуют об активном развитии корейской службы probation. Об этом же говорит и то, что Южная Корея сотрудничает с Азиатским и дальневосточным институтом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (UNAFEI). Он является одним из сетевых институтов Программы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (PNI). За время существования UNAFEI было обучено 113 сотрудников системы probation Южной Кореи⁵.

Самые выдающие результаты probationной деятельности в Южной Корею получены в сфере электронного мониторинга probationеров. В Южной Корею действует Закон о электронном мониторинге (Act on electronic monitoring), который был введен в 2008 г. с целью расширения испытательного срока без содержания под стражей, облегчения реабилитации преступников и защиты населения от преступлений. Этот закон предусматривает использование электронных устройств для отслеживания местоположения осужденных, включая устройства, устанавливаемые в месте жительства осужденного, и браслеты на лодыжке [9]. Сеульский центр мониторинга является эталоном для многих стран, его уже посетили представители более полутора десятков государств Азии и Южной Америки, чтобы ознакомиться с его работой и передовыми технологиями.

В целом реабилитация правонарушителей рассматривается в Южной Корею как «мягкое

⁴ Act on probation [Enforcement Date 21. Jan, 2022.] [Act No.18299, 20. Jul, 2021., Partial Amendment]. URL: www.law.go.kr.

⁵ United Nations Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders. May, 2023. URL: https://www.unafei.or.jp/about/pdf/brochure_e_2023.pdf.

³ Probation // Korean Law via the Internet. URL: <http://www.koreanlii.or.kr/w/index.php/Probation?ckattempt=1>.

право»: суть probation состоит в том, чтобы помочь правонарушителю реабилитироваться, она не должна склоняться к жестким санкциям против правонарушителя в целях защиты общества. Такая философия вообще характерна для современных азиатских государств с развитой службой probation.

Термин «probation» в разных правовых системах употребляется в разных смыслах, и это замечание очень важно методологически для понимания сути национальных реабилитационных программ. Обобщенно probation представляет собой особую форму контроля в отношении сравнительно менее опасных преступников, в условиях оставления их на свободе, соединенную с оказанием необходимой помощи социально-психологического и правового характера [10, с. 118]. Однако это общее представление нуждается в уточнении применительно к каждой правовой системе.

Термин «реабилитация» (в контексте «реабилитация правонарушителей») во многих странах является более широким понятием, чем probation. Часто probation в странах АТР выступает как уголовно-правовая мера, альтернативная лишению свободы, либо как особый вид уголовного воздействия для несовершеннолетних, либо как способ смягчения уголовного наказания в виде лишения свободы. В любом случае probation будет представлять собой некую систему надзора над осужденным, предполагающую ряд обязанностей и ограничений, но без изоляции лица от общества.

Важно отметить, что некоторые зарубежные исследователи используют понятие реабилитации правонарушителей взаимозаменяемо с такими терминами, как «терапия», «лечение», «вмешательство», «реформа», «наказание», «снижение вреда», «возвращение в общество», «реинтеграция», «переселение» и «борьба с рецидивизмом». Краткое определение реабилитации, из которого исходят большинство ученых, было предложено Калленом и Гилбертом в 1982 г.: реабилитация определяется как лечение, направленное на исправление преступника и предотвращение преступного поведения в будущем [4, р. 217].

Показательно, что в законодательстве Японии, например, используется термин, буквально переводимый как «лечение», при описании программ работы с правонарушителями. Правонарушители подразделяются по японскому законодательству на несколько категорий в зависимости

от вида совершенных деяний и степени криминального риска, и для каждой категории разработана своя программа реабилитации. Такие системы называются «прогрессивное лечение» и «категоризированное лечение» [11, р. 46–47].

Идея реабилитации правонарушителей исходит из того, что устранение негативных факторов, порождающих преступное поведение (безработица, плохое образование, отсутствие родительского контроля, дезорганизация общества), приведет к его позитивным изменениям [12]. Кроме того, в этой модели большое внимание уделяется лечению, благополучию и терапии индивида, чтобы помочь ему принять нормальные социальные роли.

Японский опыт организации probation

Япония известна институтом добровольных пробаторов (волонтеров, добровольных сотрудников службы probation), который в зарубежной специальной литературе называют «модель VPO» (VPO — Voluntary Probation Officers). На сегодняшний день участие добровольцев в деятельности уголовно-исполнительной системы, в частности, в работе по реабилитации и ресоциализации преступников, предусмотрено законодательством нескольких стран (например, в Таиланде, Филиппинах, Кении, Корее, Сингапуре и Китае) [13, р. 98]. Но японскую схему VPO эксперты считают самой впечатляющей как по масштабу, так и по широте участия добровольцев.

В стране сложилась четырехкомпонентная структура probation. Два вида probation относятся к несовершеннолетним правонарушителям, а два — ко взрослым. Первый вид означает, что несовершеннолетний правонарушитель помещается на probation в суд по семейным делам (это отдельная уголовно-правовая мера для несовершеннолетних). Второй вариант для несовершеннолетних — это условно-досрочное освобождение из спецшколы для несовершеннолетних преступников и помещение под надзор. На надзор за несовершеннолетними приходится 62 % случаев работы по probation [14, р. 333–334].

Первый вид probation для взрослых — это надзор за преступниками, освобожденными из мест лишения свободы, из-под стражи по условно-досрочному освобождению. Это обязательный элемент тюремного заключения, но не самостоятельная мера наказания. Последний вид probation фактически является условным тюремным заключением для взрослых с probationным надзором [14, р. 342].

В стране действуют две системы пробаторов (сотрудников службы реабилитации): профессиональные (PPO — Professional Probation Officers) и добровольные (VPO — Voluntary Probation Officers) пробаторы. Профессиональные пробаторы являются государственными служащими Министерства Юстиции Японии; на всю страну их около 1000 чел.; 112 чел. работает в региональных советах по условно-досрочному освобождению.

Профессиональные пробаторы в основном занимаются надзором за особо опасными правонарушителями, которые должны пройти специализированные программы реабилитации, разработанные Министерством юстиции. Добровольные пробаторы должны оказывать повседневное сопровождение и поддержку правонарушителям с относительно низким уровнем риска.

Добровольных пробаторов в Японии более 48 000 тыс.чел.. Волонтеры не получают зарплату, но имеют право на возмещение понесенных в связи с выполнением обязанностей затрат, а также на возмещение вреда, причиненного им, членам их семей, имуществу со стороны поднадзорных и их семей [6].

Основные обязательные мероприятия в рамках пробации таковы: «дневные офисы», прогрессивная реабилитация (лечение), категоризованная реабилитация (лечение).

«Дневные офисы» — это название повседневной работы надзирателей на участке пробации. Сотрудники службы пробации регулярно посещают муниципалитеты, общественные и молодежные центры, расположенные в их районе пробации, а также обходят поднадзорные территории в течение всего дня. Такие визиты и называются «дневными офисами (кабинетами)». Пробаторы проводят собеседования с лицами, освобожденными условно-досрочно, и лицами, находящимися на испытательном сроке, посещают их дома, консультируют их семьи, советуются со школьными учителями, работодателями и общественными учреждениями [11, р. 46].

Прогрессивная реабилитация (лечение) представляет собой организацию работы с правонарушителями, в рамках которой лица, которым назначен испытательный срок, классифицируются на четыре группы в зависимости от первоначальной оценки рисков противоправного поведения и необходимости исправления конкретного лица. Присвоенная группа определяет содержание и строгость надзора (частоту

контактов с поднадзорным лицом, а также критерии для выбора мер воздействия). В зависимости от результатов прохождения реабилитации группа может быть изменена.

Категоризованная реабилитация (лечение) — это система, разработанная для эффективной реабилитации отдельных категорий правонарушителей с учетом их конкретных проблем. В настоящее время существует 13 категорий (лица, злоупотребляющие наркотическими и токсическими препаратами; лица, склонные к насильственным преступлениям; лица, злоупотребляющие алкоголем; члены банд и др.).

Кроме этого, действуют четыре специализированные программы Министерства юстиции Японии, которые определяют специальные условия пробационного надзора для определенных групп лиц:

- программа воздействия на лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности;

- программа профилактики рецидивов наркомании;

- программа профилактики насилия;

- программа профилактики вождения в нетрезвом виде.

В рамках этих программ проводятся индивидуальные и групповые образовательные занятия, основанные на когнитивно-поведенческой терапии, с использованием учебных и аудиовизуальных ресурсов [15].

Конкретные меры поддержки и социальной реабилитации

Японская система реабилитации правонарушителей включает в себя несколько элементов, в качестве которых могут выступать как организации, так и отдельные мероприятия (виды деятельности).

Важным элементом системы реабилитации правонарушителей являются «Дома на полпути» (Halfway House), которых в Японии насчитывается 103 [6]. Это частные реабилитационные центры для правонарушителей, которые контролируются Министерством юстиции и получают бюджетную поддержку от правительства. В «Домах» помогают правонарушителям адаптироваться к режиму свободной жизни, найти работу и жилье.

Следующий элемент системы реабилитации — это «Национальные центры реабилитации правонарушителей». Эти учреждения созданы для того, чтобы предоставить освобожденным

правонарушителям временное жилье, обеспечить интенсивный надзор и помощь в трудоустройстве. Существуют четыре Национальных центра реабилитации правонарушителей. Два из них ориентированы на профессиональную подготовку и готовят специалистов для сельскохозяйственной отрасли, причем один из этих центров создан специально для несовершеннолетних.

Еще одним социальным упреждением, регистрируемым в отделениях пробации, являются «Дома поддержки на самообеспечение», которые находятся в ведении частных корпораций и других предприятий и работают по договорам со Службой пробации (таких организаций около 400). Они существуют в различных формах, включая отдельно стоящие дома и квартиры, и рассчитаны на предоставление жилья, бытовых и некоторых других услуг.

Следующее социальное учреждение в системе социальной реабилитации правонарушителей — это «Общественные центры поддержки и стабилизации». Эти учреждения предназначены для освободившихся правонарушителей преклонного возраста, инвалидов и тех, которым негде жить после освобождения. Для таких групп бывших заключенных службы пробации осуществляют так называемую «специальную координацию», которая позволяет им поступать в учреждения социального обеспечения и получать социальные услуги.

Проблемы и перспективы

Сомнения в эффективности программ реабилитационного лечения стали возникать в Англии и Уэльсе, Северной Америке и других промышленно развитых странах еще в 1970-х. Критические замечания звучат и в странах АТР. Дело в том, что в большинстве стран нет традиции исследования эффективности политики пробации. Например, китайский ученый Вин Хонг Чуй описывает практику пробации в Гонконге как «черный ящик» с точки зрения общественного признания из-за недостатка оценочных исследований [16]. В результате объективно оценить результаты работы реабилитационных программ практически невозможно. Уровень рецидивной преступности подвержен колебаниям, причины которых мало изучены и неоднозначны, поэтому невозможно однозначно говорить о наличии или отсутствии связей между введением реабилитации правонарушителей и изменением уровня рецидивизма. К тому же повышение уровня рецидивной преступ-

ности — это общемировая тенденция последних десятилетий, которая проявляется даже в странах с изначально низкими показателями преступности и рецидива. Поэтому повышение уровня рецидива на фоне введения реабилитационных программ отнюдь не свидетельствует о неэффективности последних, а может быть обусловлено иными факторами.

Проект «Желтая лента» (YRP) на Фиджи был во многом дискредитирован политическим скандалом⁶. Однако, по словам экспертов, «будет жаль, если основная философия YRP потеряется в политике» [3, р. 23], ведь успешная реинтеграция бывших правонарушителей в общество обеспечивает большую безопасность для этого общества.

На примере Японии последних лет очевидно, что система волонтерства также испытывает кризис под давлением урбанизации и экономического кризиса. Общины в Японии становятся все менее сплоченными. Выражена тенденция старения японского общества, 26 % населения составляют лица в возрасте 65 лет и старше. Эти тенденции характерны и для популяции уголовников. Пожилые правонарушители теряют семейные и общественные связи, им некуда вернуться после освобождения. Они вынуждены совершать мелкие преступления, такие как кража из магазина. Такие лица нуждаются в мерах социальной защиты, не связанных с лишением свободы. Пожилым людям и лицам с нарушениями опорно-двигательного аппарата трудно найти работу. У волонтеров недостаточно ресурсов, чтобы обеспечить медицинское обслуживание, социальное обеспечение, жилье и трудоустройство для поднадзорных с дополнительными потребностями [17].

Разобщенность общин усиливает проблему низкой осведомленности и отсутствия интереса к реабилитации преступников у населения. Наблюдается постепенное сокращение числа

⁶ Командующий флотом Фрэнсис Кин был осужден за непредумышленное убийство. Президент заменил ему лишение свободы принудительным надзором (пробацией) со ссылкой на программу YRP, после чего Кин был почти сразу восстановлен в должности. Дело вызвало бурный общественный резонанс, Кина обвиняли в кумовстве, так как коммодором являлся его зять. Случай был неединственным, были освобождены 8 солдат и один полицейский, осужденные за непредумышленное убийство. Блогеры считали, что программа помощи бывшим заключенным была введена исключительно для того, чтобы предоставить режиму «законный» выход для освобождения осужденных лиц, которые были частью режима или каким-либо образом связаны с ним.

добровольных пробаторов. По мере ухода ветеранов на пенсию все сложнее становится набирать новых волонтеров. Многие опасаются того, что работа по условно-досрочному освобождению является сложной и опасной. ВПО встречаются с пробационерами 2–3 раза в месяц, причем на дому у волонтеров [18, р. 119]. Молодежь не идет работать добровольцами из-за нехватки времени и поглощенности работой. Похожая ситуация наблюдается и в других странах: например, волонтеры в Южной Корее значительно старше своих подопечных (74 % волонтеров — это лица в возрасте от 40 до 59 лет; 15,5 % — лица старше 60 лет) [19].

Выводы и предложения

Однако при всех сложностях, испытываемых системой реабилитации правонарушителей в разных странах, стоит отметить, что эти службы существуют несколько десятилетий. Они реформировались, модифицировались, но продолжали работать. Более того, есть данные о том, что что программы реабилитации правонарушителей существенно снижают уровень рецидива преступлений. Например, американские исследователи обобщили статистику по нескольким зарубежным странам и утверждают, что образовательные программы в тюрьме снижают вероятность рецидива на 13–25 % [20, р. 297–332]. По другим данным профессиональное переобучение осужденных уменьшает вероятность рецидива до 14–33 % [21, р. 105]. Программы поддержки бывших заключенных после их освобождения (доступ к жилью, трудоустройство, социальные услуги) снижает вероятность рецидива до 20–40 % [22, р. 300–320].

Россия вводит пробацию гораздо позже других стран. Это дает возможность избежать многих проблем, анализируя чужой опыт. Пробация по вновь принятому российскому закону о пробации близка к понятию реабилитации правонарушителей в зарубежных странах. В этом плане особенно интересными представляются конкретные мероприятия, составляющие суть пробационного надзора и реабилитационного сопровождения. Имеющийся закон о пробации явно недостаточно использует потенциал привлечения общественности и бизнеса к деятельности по реабилитации правонарушителей.

Наиболее перспективными для создания аналогов представляются «дома на полпути» и «дома поддержки на самообеспечении». Подобные структуры существуют на средства частных корпораций и благотворительные взносы. Идеи социально ориентированного бизнеса и благотворительности в последние десятилетия достаточно распространены в России. Привлечь крупный бизнес к строительству и финансированию/софинансированию реабилитационных учреждений для бывших заключенных представляется возможным при задействовании административного ресурса, наличии системы налоговых льгот и широком освещении проекта в масс-медиа. Популярность волонтерских движений позволяет надеяться на привлечение добровольцев для выполнения организационных функций, которых будет очень много в процессе трудоустройства и получения социальных услуг пробационерами. Достаточно перспективным если не для прямого заимствования, то для тщательного изучения на перспективу выглядит и система прогрессивной реабилитации, которая перекликается с давно предлагаемой рядом ученых прогрессивной системой исполнения наказаний [23;24].

Конечно, опыт азиатских стран в части широкого привлечения добровольцев неразрывно связан с культурно-историческими особенностями этих стран, их социальным укладом, что невозможно заимствовать. Но сама по себе идея активного привлечения общественности к делу борьбы с рецидивами преступлений выглядит очень привлекательной.

Нужно учесть и негативный опыт зарубежных государств, связанный с отсутствием статистических данных о рецидивной преступности, что не позволяет достоверно оценить эффективность институтов пробации и реабилитации. В связи с этим настоятельно требуется формирование механизма учета постпенитенциарного рецидива, статистика по которому в настоящее время отсутствует [25, с. 69;26, с. 126]. Основная задача пробации — профилактика рецидивной преступности, поэтому формирование совершенствование системы учета рецидива преступлений является необходимым элементом развития института пробации в России, эпоха которого с 01 января 2024 г. только началась.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кобец П.Н. Система государственных мер по противодействию рецидиву преступлений (опыт Японии) / П.Н. Кобец. — EDN XZOFUC // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2021. — № 3 (93). — С. 44–50.

2. Tang Stanley. Effective rehabilitation and reintegration of offenders / Tang Stanley // United Nations Asia and Far East Institute. — URL: <http://www.unafei.or.jp> -> No82_07VE_Tang.pdf.
3. Liliwaimanu Vuiyasawa. Rehabilitating offenders? The Yellow Ribbon campaign in Fiji / Liliwaimanu Vuiyasawa // *Journal of South Pacific Law*. — 2009. — Vol. 13, no. 1. — P. 19–23.
4. Chui W.H. Approaches to Rehabilitation in Hong Kong / W.H. Chui. — DOI 10.1007/978-3-031-14375-5_13 // *The Palgrave Handbook of Global Rehabilitation in Criminal Justice* / ed. M. Vanstone, P. Priestley. — Palgrave Macmillan, 2022. — P. 219–236.
5. Chan W.T. Social work and services for offenders / W.T. Chan // *Social work in Hong Kong* / ed. I. Chi, S.K. Cheung. — Hong Kong, 1996. — P. 98–111.
6. Watson A. Probation in Japan: Strengths and Challenges and Likely New Tasks / A. Watson. — DOI 10.1177/2066220318794370 // *European Journal of Probation*. — 2018. — Vol. 2, no. 10. — P. 160–177.
7. Jou S., Shen S.K., Heberton B. Rehabilitation in Taiwan / S. Jou, S.K. Shen, B. Heberton. — DOI: 10.1007/978-3-031-14375-5_33 // *The Palgrave Handbook of Global Rehabilitation in Criminal Justice* / ed. M. Vanstone, P. Priestley. — Palgrave Macmillan, 2022. — P. 577–596.
8. Community Resources in Korean Probation System / P. Junhwi, R. Kwanghyun, P. Heekyun, H. Sinae // *Korean Institute of Criminology and Justice (KICJ)*. — 2020. — 01 Dec. — URL: https://www.kicj.re.kr/board.es?mid=a20201000000&bid=0029&tag=&act=view&list_no=12651.
9. Kim Suchul. The Recent Development in Korean Electronic Monitoring / Kim Suchul // *Confederation of European Probation (CEP)*. — 2022. — Aug. — URL: <https://www.cep-probation.org/the-recent-development-in-korean-electronic-monitoring>.
10. Медетбекова Г.Т. Сравнительный анализ международного опыта исполнения уголовных наказаний / Г.Т. Медетбекова. — EDN SDYTGI // *Право и государство*. — 2011. — № 1 (50). — С. 115–125.
11. Criminal justice in Japan: edition 2019 / ed. T.L. Schmid. — [Tokyo], 2019. — 55 p.
12. Miller R.L. Criminal justice in action / R.L. Miller, L.K. Gaines. — 10th ed. — Cengage Learning, 2018. — 676 p.
13. Porporino F. Valuing volunteers in corrections: Learning from the Volunteer Probation Officer scheme in Japan / F. Porporino // *Advancing Corrections Journal*. — 2022. — Vol. 1, no. 13. — P. 96–108.
14. Ellis T. The Japanese Probation Service: A Third Sector Template? / T. Ellis, L. Chris, S. Mai // *Probation Journal*. — 2011. — Vol. 58, no. 4. — P. 333–344.
15. Варламова О.Ф. Предупреждение рецидивной преступности в Японии / О.Ф. Варламова. — DOI 10.18572/2071-1190-2021-1-30-32. — EDN JNNPH // *Международное уголовное право и международная юстиция*. — 2021. — № 1. — С. 30–32.
16. Chui E. The social work model of probation supervision of offenders in Hong Kong / E. Chui // *Probation Journal*. — 2002. — Vol. 49, no. 4. — P. 297–304.
17. Akashi Fumiko. The Role of Volunteer Probation Officers in Japan - Recent Challenges and Responses / Akashi Fumiko. — DOI 10.1016/j.ijlcrj.2018.03.006 // *International Journal of Law, Crime and Justice*. — 2018. — Vol. 54. — P. 121–132.
18. Minoura S. Offender Rehabilitation Reform in Japan: Effective Cooperation between Professional and Volunteer Probation Officers / S. Minoura. — DOI 10.1016/j.ijlcrj.2018.03.004 // *International Journal of Law, Crime and Justice*. — 2018. — Vol. 54. — P. 111–120.
19. Ellis T. South Korean probation: Volunteering and late onset crime control? / T. Ellis, J. Lee, N. Pamment. — DOI 10.1057/cpcs.2013.11 // *Crime Prevention and Community Safety*. — 2013. — Vol. 15, no. 4. — P. 292–305.
20. Cullen F.T. Rehabilitation and Recidivism: Evidence from the National Evaluation of the Serious and Violent Offender Reentry Initiative / F.T. Cullen, C.L. Jonson // *Journal of Experimental Criminology*. — 2017. — Vol. 13, no. 3. — P. 297–332.
21. Nagin D.S. Deterrence: A Review of the Evidence by a Criminologist for Economists / D.S. Nagin // *Annual Review of Economics*. — 2013. — Vol. 5, no. 1. — P. 83–105.
22. Tyler T.R. Procedural Justice and the Future of Corrections / T.R. Tyler, J. Shultz // *Annual Review of Law and Social Science*. — 2017. — Vol. 13. — P. 299–320.
23. Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний / Ю.М. Ткачевский. — Москва : Городец, 2007. — 237 с. — EDN QQSRNJ.
24. Южанин В.Е. Принцип прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы / В.Е. Южанин, Д.В. Горбань. — DOI 10.17803/1729-5920.2017.123.2.123-134. — EDN YJUTD // *Lex Russica*. — 2017. — № 2 (123). — С. 123–134.
25. Селиверстов В.И. Исправительная доктрина и ее влияние на положение лиц, освобожденных от отбывания наказания / В.И. Селиверстов. — DOI 10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73. — EDN VAOPRW // *Юридический вестник Самарского университета*. — 2018. — Т. 4, № 2. — С. 65–73.
26. Филоненко Т.В. Постпенитенциарный рецидив как показатель эффективности деятельности исправительных учреждений и наказания в виде лишения свободы / Т.В. Филоненко. — DOI 10.24866/1813-3274/2022-4/121-135. — EDN FPULAQ // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. — 2022. — Т. 24, № 4. — С. 121–135.

REFERENCES

1. Kobets P.N. The System of State Measures to Counteract the Recidivism of Crimes (Japanese Experience). *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia*, 2021, no. 3, pp. 44–50. (In Russian). EDN: XZOFUC.
2. Tang Stanley. Effective Rehabilitation and Reintegration of Offenders. *United Nations Asia and Far East Institute*. Available at: <http://www.unafei.or.jp> -> No82_07VE_Tang.pdf.
3. Liliwaimanu Vuiyasawa. Rehabilitating Offenders? The Yellow Ribbon Campaign in Fiji. *Journal of South Pacific Law*, 2009, vol. 13, no. 1, pp. 19–23.
4. Chui W.H. Approaches to Rehabilitation in Hong Kong. In Vanstone M., Priestley P. (eds.). *The Palgrave Handbook of Global Rehabilitation in Criminal Justice*. Palgrave Macmillan, 2022, pp. 219–236. DOI: 10.1007/978-3-031-14375-5_13.
5. Chan W.T. Social Work and Services for Offenders. In Chi I., Cheung S.K. (eds.). *Social Work in Hong Kong*. Hong Kong, 1996, pp. 98–111.

6. Watson A. Probation in Japan: Strengths and Challenges and Likely New Tasks. *European Journal of Probation*, 2018, vol. 2, no. 10, pp. 160–177. DOI: 10.1177/2066220318794370.
7. Jou S., Shen S.K., Heberton B. Rehabilitation in Taiwan. In Vanstone M., Priestley P. (eds). *The Palgrave Handbook of Global Rehabilitation in Criminal Justice*. Palgrave Macmillan, 2022, pp. 577–596. DOI: 10.1007/978-3-031-14375-5_33.
8. Junhwi P., Kwanghyun R., Heekyun P., Sinae H. Community Resources in Korean Probation System. *Korean Institute of Criminology and Justice (KICJ)*, 2020, December 01. Available at: https://www.kicj.re.kr/board.es?mid=a20201000000&bid=0029&tag=&act=view&list_no=12651.
9. Kim Suchul. The Recent Development in Korean Electronic Monitoring. *Confederation of European Probation (CEP)*, 2022, August. Available at: <https://www.cep-probation.org/the-recent-development-in-korean-electronic-monitoring/>.
10. Medetbekova G.T. A Comparative Analysis of the International Experience of Executing Criminal Penalties. *Pravo i gosudarstvo = Law and State*, 2011, no. 1, pp. 115–125. (In Russian). EDN: SDYTGJ.
11. Schmid T.L. (ed.). *Criminal Justice in Japan: edition 2019*. [Tokyo], 2019. 55 p.
12. Miller R.L., Gaines L.K. *Criminal Justice in Action*. 10th ed. Cengage Learning, 2018. 676 p.
13. Porporino F. Valuing Volunteers in Corrections: Learning from the Volunteer Probation Officer Scheme in Japan. *Advancing Corrections Journal*, 2022, vol. 1, no. 13, pp. 96–108.
14. Ellis T., Chris L., Mai S. The Japanese Probation Service: A Third Sector Template? *Probation Journal*, 2011, vol. 58, no. 4, pp. 332–354.
15. Varlamova O.F. Recidivism Prevention in Japan. *Mezhdunarodnoe uголовное pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2021, no. 1, pp. 30–32. (In Russian). EDN: JNNPH. DOI: 10.18572/2071-1190-2021-1-30-32.
16. Chui E. The Social Work Model of Probation Supervision of Offenders in Hong Kong. *Probation Journal*, 2002, vol. 49, no. 4, pp. 297–304.
17. Akashi Fumiko. The Role of Volunteer Probation Officers in Japan - Recent Challenges and Responses. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2018, vol. 54, pp. 121–132. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2018.03.006.
18. Minoura S. Offender Rehabilitation Reform in Japan: Effective Cooperation between Professional and Volunteer Probation Officers. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 2018, vol. 54, pp. 111–120. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2018.03.004.
19. Ellis T., Lee J., Pamment N. South Korean Probation: Volunteering and Late Onset Crime Control? *Crime Prevention and Community Safety*, 2013, vol. 15, no. 4, pp. 292–305. DOI: 10.1057/cpcs.2013.11.
20. Cullen F.T., Jonson C.L. Rehabilitation and Recidivism: Evidence from the National Evaluation of the Serious and Violent Offender Reentry Initiative. *Journal of Experimental Criminology*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 297–332.
21. Nagin D.S. Deterrence: A Review of the Evidence by a Criminologist for Economists. *Annual Review of Economics*, 2013, vol. 5, no. 1, pp. 83–105.
22. Tyler T.R., Shultz J. Procedural Justice and the Future of Corrections. *Annual Review of Law and Social Science*, 2017, vol. 13, pp. 299–320.
23. Tkachevskii Yu.M. *Progressive Russian Penitentiary System*. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 237 p. EDN: QQSRNJ.
24. Yuzhanin V.E., Gorbun D.V. The Principle of a Progressive System of Serving the Sentence of Deprivation of Liberty. *Lex Russica*, 2017, no. 2, pp. 123–134. (In Russian). EDN: YJJUTD. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.123-134.
25. Seliverstov V.I. Correctional Doctrine and its Impact on the Status of an Individual Exonerated from Serving their Sentences. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 65–73. (In Russian). EDN: VAOPRW. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-65-73.
26. Filonenko T.V. Post-Penitentiary Recidivism as an Indicator of the Effectiveness of Correctional Institutions and Punishment in the form of Deprivation of Liberty. *Aziatsko-Tikhookeanskiy Region: Ekonomika, Politika, Pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 121–135. (In Russian). EDN: FPULAQ. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/121-135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филоненко Татьяна Викторовна — декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: tanya.f-vlad@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filonenko, Tatiana V. — Dean, Faculty of Professional Retraining and Advanced Training, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Counselor of Justice, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: tanya.f-vlad@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Филоненко Т.В. Некоторые аспекты развития института probation в России и за рубежом / Т.В. Филоненко. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).268-277. — EDN LDABBQ // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 268–277.

FOR CITATION

Filonenko T.V. Some Aspects of Probation Institution Development in Russia and Abroad. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 268–277. (In Russian). EDN: LDABBQ. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).268-277.